

И. В. Ружицкий (МГУ им. М.В. Ломоносова, ИРЯ РАН).

«О некоторых спорных моментах концепции Словаря языка Достоевского»

Основная цель доклада – освещение тех проблем и вопросов, которые возникали и продолжают возникать относительно идеи создания Словаря языка Достоевского, принадлежащей Ю.Н. Караулову и Е.Л. Гинзбургу.

За годы работы над Словарём языка Достоевского его авторы множество раз выступали с докладами, которые были посвящены концепции Словаря. Вполне естественно, что после этих выступлений было и огромное количество вопросов. Однако в разы больше вопросов за эти годы, а с момента создания общей концепции Словаря прошло уже больше 20 лет, появлялось у нас самих, авторов Словаря языка Достоевского, и эти вопросы продолжают возникать. На какие-то вопросы у нас есть ответы, какие-то нуждаются в дальнейшем осмыслении.

1. Первоначальный замысел Словаря языка Достоевского заключался в создании лексикографической серии, включающей в себя словарь-идиоглоссарий, словари фразеологизмов Достоевского, дискурсивных слов, топонимов, онимов, афоризмов, глоссарий, частотный словарь и некоторые другие. Что-то впоследствии вошло в Идиоглоссарий, например, в нём достаточно полно и широко представлены зоны фразеологии, пословиц и поговорок; отдельные словари были изданы уже вне рамок планируемой серии (частотный); какие-то словари (афоризмов, глоссарий, или словарь атопонимов, единиц непонимания) вошли как приложения в мою монографию (Ружицкий И.В. Язык Ф.М. Достоевского: Идиоглоссарий. Тезаурус. Эйдос. М.: ЛЕКСРУСС, 2015). От идеи же создания лексикографической серии, как бы красиво это ни звучало, нам пришлось отказаться по чисто техническим причинам, в связи с чем цели и задачи Словаря языка Достоевского, обозначенные в предисловии к первому тому Идиоглоссария, не соответствуют настоящему этапу работы над Словарём – работе над изданием четвёртого тома (буквы Н – Оп).

2. Ключевым параметром Словаря языка Достоевского является то, что в нём описываются не все слова, употреблённые в текстах писателя, но только значимые для его идиостиля, характеризующие идиостиль, или идиоглоссы. Больше всего вопросов возникало именно вокруг этого параметра Словаря: *Почему одно слово – идиоглосса, а другое – нет?* Ко всему прочему, в предисловии к первому тому Словаря были разграничены термины *идИоглосса* и *идЕоглосса* (идея Е.Л. Гинзбурга), что ещё более усложняло понимание данного исходного параметра. В работе над Словарём мы уже давно сняли употребление термина *идЕоглосса*, оставили только термин *идИоглосса*, но читатели, до сих пор ориентированные в основном на

предисловие к первому тому, продолжают задавать вопрос о том, чем отличается *идЕоглосса* от *идИоглоссы*. Нам даже приходилось слышать упрёки в том, что кто-то не смог объяснить это своим студентам, или в том, что здесь некая «лингвистическая игра» и ничего более. Соглашаясь, что в предисловии различие между *идИоглоссой* и *идЕоглоссой* показано несколько туманно, скажу, тем не менее, что мне, например, не хотелось бы окончательно отказываться от этой идеи, состоящей в том, чтобы, пусть в самом общем виде, построить иерархию идиоглосс. Ведь очевидно, что, например, идиоглоссы *вдруг* или *давеча* отличаются от идиоглосс *время* или *вечность*. Первые, если можно так сказать, более индивидуальны. По всей видимости, существует возможность построения иерархии идиоглосс в соответствии со степенью их концептуальной значимости, тогда действительно работал бы тезис Е.Л. Гинзбурга о том, что любая *идЕоглосса* является одновременно и *идИоглоссой*, но не наоборот. Однако любая ли? Этот вопрос продолжает оставаться дискуссионным.

Как уже было сказано, чаще всего задают вопрос о том, почему какое-то слово включено в словник, а какое-то – нет. Сколько бы мы при этом ни говорили о том, что следуем определённой процедуре выявления идиоглосс, или о том, что словник Словаря является открытым, такие вопросы всё равно продолжают возникать. Отмечу в связи с этим следующее.

Нецелесообразность описания всего авторского лексикона отмечал, например, ещё Яков Карлович Грот в «Словаре к стихотворениям Державина». В этом отношении следует вспомнить и высказанную Владимиром Григорьевичем Гаком в статье «Об относительности лексикологических категорий в лексикографии» мысль, где автор выделяет два ряда факторов – объективные и субъективные, которые определяют «своеобразие отбора и обработки одного и того же языкового материала». Субъективизма в лексикографической практике, в том числе и при определении словника, не избежать (он будет «работать» даже при составлении частотных словарей), так же как и не избежать его, например, при составлении лексических минимумов при обучении иностранному языку. Сказанное, однако, не означает, что возможностью существования такой субъективности можно оправдать любой произвол. Думаю, что предлагаемый нами путь ничуть не хуже любого другого способа определения словника, например, описывать только те слова, употреблённые писателем, которые не вошли в МАС.

Процедура выявления у слова его идиоглоссного статуса, которой мы придерживаемся, следующая: (1) коллективное прочтение текстов Достоевского с установкой выделить слова, характеризующие авторский стиль (т. е. своего рода метод экспертных оценок); (2) использование данных уже существующих исследований, как лингвистических, так и литературоведческих, посвящённых языку и творчеству Достоевского, в которых те или иные слова отмечаются как важные, характерные, ключевые;

(3) учёт вхождения слова в название произведения или в название какой-либо части произведения; (4) фиксация особенностей употребления слова, например, в составе высказывания, обладающего свойствами афоризма, авторская рефлексия над значением слова, использование слова в игровом контексте и др.; (5) статистический анализ употребления слова в разных жанрах и в разные периоды творчества писателя; (6) апробация полученного списка идиоглосс путём пилотажного опроса.

Многочисленные дискуссии на тему, почему какое-то слово идиоглосса или почему не идиоглосса, привели нас к заключению, что только конечный продукт, уже написанная словарная статья, позволяет приблизиться к ответу на него.

3. Следующий параметр Словаря языка Достоевского, который также вызывает достаточно много вопросов и на который мы сегодня обратим внимание, – это предлагаемые в Словаре дефиниции. С одной стороны, в концепции Словаря декларируется отказ от такой категории, как «оттенок значения». Система выделяемых в Словаре лексико-семантических вариантов, таким образом, очень часто не совпадает с той, которая предлагается в существующих толковых словарях. Это касается и их количества, и самих формулировок, и, что принципиально важно, – последовательности. На первое место выносятся то значение, которое является наиболее релевантным, важным в текстах Достоевского, что определяется следующими факторами: реализацией в разных жанрах, в разных периодах творчества и частотой. Так, например, нередки случаи, когда сначала представлено описание употреблений слова в переносном значении. Одновременно с этим мы отказываемся и от различного рода стилистических помет. Однако следует отметить, что принцип отказа от категории оттенка значения «работает» далеко не всегда: через точку с запятой оттенки значения всё-таки иногда выделяются. Дело в том, что первоначальный отказ от категории «оттенок значения» привёл к тому, что число значений неоправданно возрастало. Как следствие – расширение таких зон комментария словарной статьи, как зона неразличения значений (НРЗН) и зона употребления идиоглоссы в одном контексте в разных значениях (КОМБ1). Такой принцип, как ориентация на авторские контексты и вывод значения из них, в целом остаётся в силе, при этом, естественно, учитываются данные существующих толковых словарей, в том числе XIX века. Что касается последовательности подачи значений, то она, естественно, может не совпадать с той, которую мы находим в толковых словарях. Здесь играет роль и фактор частоты употребления в том или ином значении, и представленность данного ЛСВ в разных жанрах и периодах творчества Достоевского.

4. Обратимся к такому параметру Словаря, как иллюстрации, контексты употребления описываемой идиоглоссы. Здесь тоже возникают вопросы, касающиеся в основном длины используемого для иллюстрации контекста и

количества иллюстраций. По всей видимости, должна быть чёткая зависимость количества иллюстраций от общей частоты употребления описываемой идиоглоссы, но чётких критериев здесь не существует. В настоящий момент к количеству иллюстраций в пределах одной словарной статьи предъявляются следующие требования: для художественной прозы первого и второго периода – не более одной (не включая первое употребление слова), для третьего периода – не более двух, для публицистики и писем – по одной для каждого периода. Надо отметить, что это требование к количеству иллюстраций не является категорическим, что, в первую очередь, связано со значимостью описываемой идиоглоссы, определяемой во многом субъективно. Выделение оттенков значения позволяет увеличивать количество иллюстраций.

Вопросы вызывает и такой принцип Словаря (причём только у нас, его составителей), как обязательная фиксация первого употребления слова, причём это правило действует для всех жанров. Довольно часто получается так, что первое употребление описываемого слова (чаще всего в «Бедных людях») совершенно неинтересное, не идиоглоссное, но мы его, тем не менее, фиксируем, с него, по сути, и начинается словарная статья. Было даже предложение отказаться от этого принципа, но его всё-таки решили сохранить, поскольку данные о первом употреблении слова действительно бывают важны, даже если такое употребление и не показывает особенности идиостиля.

5. Зона фразеологии. К нашему большому удивлению, к этому разделу словарной статьи ни у кого, кроме нас, авторов Словаря, вопросов не возникало, хотя, по правде говоря, понятие фразеологизма в Словаре очень и очень размыто. Много времени при обсуждении словарной статьи уходит на то, чтобы квалифицировать ту или иную устойчивую единицу как фразеологическую. В последнее время действует такое негласное правило – если хоть один из известных толковых словарей относит какое-то употребление за ромб, то для нас это основание зафиксировать данное употребление в зоне фразеологии.

6. Такой параметр Словаря, как словоуказатель. Надо ли фиксировать все употребления идиоглоссы? Не занимает ли это слишком много места в словарной статье? В конце концов, много ли читателей Достоевского пользуется именно полным собранием его сочинений, по которому в словоуказателе указана страница? На наш взгляд, важность и необходимость словоуказателя определяется в первую очередь не возможностью осуществлять какую-то поисковую работу, но наглядностью насыщенности употребления идиоглоссы в разных жанрах, в разных произведениях, в одном контексте конкретного произведения. Так, например, вовсе не общая частота употребления слова *вдруг* у Достоевского подтверждает его идиоглоссный статус и даже не частота в одном произведении, например, в «Преступлении и наказании», интерес представляет употребление этого слова в пределах

одного небольшого контекста, что как раз наглядно представлено в словоуказателе.

7. Характерной особенностью Словаря языка Достоевского является использование в структуре словарной статьи возможностей лингвистического комментария. Комментарий подразделяется на зоны, всего их шестнадцать, и их следует рассматривать как самостоятельные параметры Словаря. К таким зонам относятся: 1) употребление идиоглоссы в составе афоризма, 2) автонимное употребление слова, 3) неразличение значений слова в одном контексте (максимум три предложения), 4) игровое употребление описываемой идиоглоссы, 5) использование в одном контексте двух или нескольких идиоглосс в разных значениях, 6) употребление однокоренных слов в одном контексте, 7) символическое употребление идиоглоссы, 8) ассоциативно-семантические связи слова, 9) подчинительные связи описываемого слова (гипотаксис), 10) сочинительные связи идиоглоссы (паратаксис), 11) нестандартное употребление слова, 12) морфологические особенности идиоглоссы, 13) использование слова в ироническом контексте, 14) тропеические употребления идиоглоссы, 15) использование описываемой идиоглоссы в составе чужой речи, 16) словообразовательный потенциал идиоглоссы.

Я привёл эти зоны именно в той последовательности, в которой они даются в Словаре. И здесь возникает очень серьёзный вопрос, правда, возникает он только у меня – а почему именно такая последовательность? Ведь ключевой идеей Словаря является соотнесённость зон комментария с единицами уровней языковой личности. Однако тогда логичнее было бы начать комментарий, например, с зон сочетаемости. Или почему комментарий начинается с зоны афористики, а близкая к ней по сути зона использования в составе чужой речи – в самом конце. Ответ здесь только один – с первых выпусков словаря сложилась такая традиция, исходные принципы подачи зон именно в таком порядке давно забыты, но менять уже поздно.

Больше всего вопросов возникает, конечно, относительно конкретных зон комментария. Остановимся на некоторых из них.

– *Почему такое сокращение – КОМБ?*

– Комбинаторика в нашем понимании – это изучение комбинаций групп слов, употреблённых для решения общей коммуникативной задачи. Такое понимание расходится с традиционным пониманием комбинаторной лексикологии – описания сочетаемостных свойств слова. Если это комбинация значений одного слова – то зона КОМБ1, комбинация однокоренных слов – зона КОМБ2.

– *Что такое «высказывание афористического типа»? То, что употреблял Достоевский в качестве афоризма?*

– Нет, это высказывания, в принципе обладающие свойствами афоризма. Такие высказывания, возможно, даже широко не известны. Проблема в том,

что все свойства афоризма, выделяемые в его определении (наличие автора, относительная краткость, нетривиальность выраженной мысли, воспроизводимость), могут нарушаться, отсюда и некоторая субъективность при «заполнении» данной зоны комментария.

– Все ли случаи, вынесенные в зону АВТН (употребление слова в составе автономного высказывания), можно квалифицировать как автономность?

– Очевидно, что не все. Первоначально мы даже использовали такой термин, как «квазиавтономность». Существует очень тонкая грань между автономностью и, например, уточнением. Однако на эту особенность идиостиля Достоевского, на которую указывал ещё В.В. Виноградов в своём анализе «Двойника», мы просто не могли не обратить внимания.

– Если при определении игрового употребления идиоглоссы (ИГРВ) делается упор на сознательное отклонение от существующей языковой нормы, то на каком основании вы судите о языковой норме XIX века?

– Это вообще очень спорная во многих отношениях зона. Во-первых, потому, что она тесно пересекается с другими – например, нестандартного употребления идиоглоссы и употребления слова в ироническом контексте. Во-вторых, игровое употребление слова, понимаемое нами (и не только нами) как сознательное отклонение автора от существующей языковой нормы для достижения определённого эффекта – комического или познавательного (нахождение тончайших оттенков смысла) включает в себе два весьма туманных представления о сознательности и о норме. И о том и о другом мы можем судить очень приблизительно. Если второе, норму, мы можем рассматривать с позиции современного читателя, то с первым, сознательностью, намного сложнее. В данном случае помогают сравнительные исследования стиля авторов XIX века, в основном игровые приёмы и средства создания иронии, используемые в публицистике. В этом отношении способы создания языковой игры, например, у Достоевского, Лескова и Щедрина, в целом одинаковые, т. е. можно сделать предположения и о сознательности использования данного приёма.

Множество вопросов нам (и нами) задавалось относительно реализуемых в Словаре подходов к символическому употреблению идиоглоссы, использованию идиоглоссы в качестве отсылки к прецедентному тексту и др. Часто приходится слышать и вопрос о том, можно ли использовать предлагаемую модель построения Идиоглоссария применительно к языку других авторов? Нет, абсолютно точно, что нельзя: параметры описания идиостиля в этом случае будут во многом другими.

Вопросов много, спорных моментов – тоже очень много, однако эти вопросы можно решить только в ходе работы над Словарём, что, в общем-то, в той или иной мере и происходит.